

Кацура Александр
Васильевич

21.12.02

ВЫЗОВ НА ДУЭЛЬ

Александр Васильевич КАЦУРА известен не только как писатель. Он кандидат философских наук, автор более 100 научных трудов (философия науки, глобалистика). В 80-е годы прошлого века ему удалось опубликовать кое-что из фантастики (рассказы, повести, два романа). Сейчас, не оставляя философии, он публикует эссеистику, публицистику, прозу и стихи.

- Знакомая с популярными сериями издательства «Радуга», я с интересом прочитал две ваши книги - «Поединок чести. Дуэль в истории России» и «В погоне за белым листом». Скажите, как возникла сама идея написать книгу о дуэлях?

- В 1990 году московское издательство «Текст» привлекло меня к работе над альбомом о русских дуэлях. По замыслу издателей альбом должен был быть красочным, подарочным, но не претендующим на глубину. По не зависящим от меня причинам издание не состоялось, но я успел заразиться самой идеей. Меня вдруг поразило: о дуэлях писали многие, есть специалисты - историки, писатели, исследованы мельчайшие детали, но никто не только не объяснил, но даже и не поставил вопроса: откуда, почему в деспотической полуазиатской России вдруг вспыхнул этот пусть и кровавый, но поджентльменски красивый европейский способ борьбы за личную честь и достоинство? Вспыхнул с такой силой, что в считанные годы оставил позади саму старушку Европу.

Мало кто знает, что русскими дуэлями и дуэлянтами восхищался Александр Дюма, что он специально посетил могилу Бестужева-Марлинского, что дуэльные сцены в романах великого француза написаны с оглядкой на русский опыт. Нет второй страны в мире, где бы лучшие поэты и писатели с горячей настойчи-

востью и невозмутимой храбростью выходили на дуэльное поле.

О Пушкине и Лермонтове знают все. Уже хуже помнят о Грибоедове, о знаменитой «четверной дуэли». А о том, например, что друг друга вызывали на дуэль Тургенев и Толстой, вообще не знают. Многие мне говорили, что с изумлением прочитали эту главу в моей книге. То же самое - Александр Блок и Андрей Белый. А возьмите дуэль, которую я называю последней великой - из-за загадочной Черубины де Габриаки стреляли друг в друга Волошин и Гумилев. Но ведь все это не может быть случайностью!

И не только о поэтах должна идти речь. Офицеры, генералы, дворяне. Благороднейшие люди. А стрелялись из-за пустяков. Как? Почему? Зачем? Поразительно благородство русских поединков. История не донесла случаев предательства и трусости. А бесшабашности и лихости - полной чашей. Крови и смерти, к сожалению, тоже.

И в какой-то момент меня пронзила догадка: в деспотической России дуэльное поле было единственным местом свободы. Вот почему туда с таким ожесточением рвались лучшие люди России. Дружбы готовы были на смерть биться с друзьями. И бились. В бесконечных бесстрашных баталиях. На таких суровых условиях, каких не знала Европа. Стрелялись с шести шагов. На несколько лет я отложил замысел книги, хотя продолжал

накапливать материал. А в 1998 году внезапно, поддавшись порыву, сел и за короткий срок написал книгу. На следующий год она вышла в «Радуге». Издательство с таким теплом, вниманием и мастерством отнеслось к работе над книгой, что чувство благодарности у меня не слабеет до сей поры.

- Если принять вашу версию о «поле свободы», то как к нему относились российские правители?

- Тут очень интересная историческая динамика, подтверждающая общий вывод о движении страны к свободе. И о случившемся в начале XX столетия историческом обрыве. XVII и XVIII столетия - время жесткой борьбы с дуэлями (как с призраком свободомыслия). По указу Петра дуэлянтов полагалось вешать. Но суровость российских законов компенсировалась, как известно, необязательностью их исполнения. Дуэлей были тысячи, но ни разу никого не повесили. Екатерина, просвещенная и либеральная немка, указа не отменила, но никого не преследовала. Тем более что среди дуэлянтов попадались и ее любимцы.

А при Николае II вообще случилось чудо. Дуэль была узаконена как средство укрощения чести среди военных. До той поры дуэлянты пользовались кодексами, заимствованными из Франции. А тут генерал Микулин написал объемистый труд «Пособие для ведения ДЕЛ ЧЕСТИ в офицерской среде» с детальнейшим кодексом, включающим более 400 статей. Поразителен год выхода сего труда, посвященного императору Александру III, - 1912-й! Всего за пять лет до векового потрясения. Книга очень интересная, отрывки из нее и некоторые статьи я дал в конце в качестве приложения.

Ну а наш главный национальный гений? Глава о Пушкине самая большая и занимает центральное место в книге. Ее я писал с особым трепетом. Кто такой Пушкин? Это самый свободолюбивый человек в истории России. И ее главный дуэлянт. По количеству вызовов на поединки, выходов к барьеру он - чемпион. Подставляя себя под многочисленные пули, он, меткий

стрелок, при этом никого не убил и даже не ранил. А сама смерть его глубоко символична. Думаю, Волошин с Гумилевым, выходя уже в XX веке на холодное заснеженное ноябрьское поле, не могли не помнить об этом символе. Как вспоминал Волошин, они стрелялись пистолетами пушкинской поры.

- Но вот в стране сменилась власть. Дуэль более невозможна. Неужели, из-за сардобольной любви к людям?

- Нет, отныне господствует не выстрел у барьера при секундантах, но пуля в затылок. И без свидетелей.

Господствует иная мораль. Новая и страшная - полное презрение к человеческой свободе и достоинству.

Вообразите Бухарина, посылающего картель Сталину. Или Сталина, готового бесстрашно стреляться с Троцким. Нет, эти люди предпочитали убивать друг друга из-за угла. Или по лживым наветам в лживых судах. Вот вам, кстати, один из истоков нынешнего киллерства. Восьмидесятилетние большевистские ложь и аморализм приучили не ценить человека, видеть в нем лишь средство или препятствие. Отсюда и метод - пуля исподтишка. Свободе и чести нам надо заново учиться, соединяя концы разорванных времен.

- Расскажите о другой вашей книге - «В погоне за белым листом». Есть какая-то общая идея, объединяющая вошедшие в нее эссе?

- При всей непохожести эта книга в главном продолжает предыдущую. Она тоже о характерах, преодолевающих эпоху. О больших поэтах. Об их трагических судьбах. И о прочих ярких людях. Только уже живших в XX веке. Живших после трещины, расколовшей историю.

Если главный символ первой книги - дуэльный пистолет, то второй - топор. Тут надо пояснить. Одним из центральных мест книги является расшифровка строки из Мандельштама, загадочного сравнения «звездный луч, как соль на тополе». Размышления увели меня далеко, к разговору Ивана Федоровича с чертом. Это ведь там черт высказывает фантастическую мысль о тополе, запущенном в пространство. А когда

впадающий в дрожь Иван спрашивает, что становится в пространстве с топором, черт спокойно отвечает, что начнет летать над нами на манер спутника, астрономы вычислят время восхождения топора, время захождения топора. Вот так и сказано у Федора Михайловича. Какой символ, а?

Когда я перечитал внимательно эту главу из «Братьев Карамазовых», то обнаружил, что все ключевые слова трагического мандельштамовского стихотворения встречаются в стужении беседы Ивана с чертом. В этой беседе угадан весь XX век. Это и определило названия ключевых разделов книги. Первый называется «Восхождение топора». Там экспозицией - но в масштабе века и под знаком кровавого топора - даны судьбы Блока, Хлебникова, Гумилева, Ахматовой, Пастернака, Мандельштама, Цветаевой. В последующих разделах затронуты тексты и судьбы Маяковского, Есенина, Булгакова, Заболоцкого, Вертинского, Высоцкого, Бродского. И между прочим - Ильфа и Петрова.

Предпоследний раздел называется «Захождение топора». Можно догадаться, что он соотносится - пусть и не напрямую - с временем перестройки. Там даже есть глава об «Апокалипсисе». Последний раздел называется «Пейзаж после битвы». Одна из его главок носит название «Время Корейко». Да, многочисленные александровы ивановичи, воры по призванию, вылезли на Божий свет в погону за своими миллионами. Но не эта погоня, как вы понимаете, является темой книги.

- Что же тогда означает метафора «белого листа»? За чем погоня?

- Весь сумасшедший XX век - это судорожные, сквозь взрывы и слезы поиски идеи человека. Одни фанатики верили, что такая идея окончательно найдена, и рвались к ее осуществлению сквозь любую кровь. Другие не верили ни во что, но тоже крови не жалели. И только искусство и философия ушедшего века в печальном и трагическом напряжении пытались нащупать выход. Нашли ли? Искусство XX века грандиозно. Философия и хитроумна, и остра. Русская поэзия - гениальна.

Но наговорено, даже выболтано так много, что случилось смешение. «Все перепуталось»,

- как заметил еще Мандельштам. Но когда все краски смешиваются, то возникает белый цвет. И остается белый лист. Знаете, это покруче «Черного квадрата» Малевича. Впрочем, у этого гения была и такая работа - «Белый квадрат на белом фоне». Малевича я, конечно, в книге вспоминаю. И Шагала. И Пикассо. И даже Репина Илью Ефимовича. И Кандинского. И даже Канта. Но итог... Итог по меньшей мере проблематичен. Мы в который раз убеждаемся, что птицу за хвост не схватили, что мы в потоке времени. И что погоня вечна.

- Вы так страстно рассказываете о поэтах. А сами пишете стихи?

- Этой осенью в «Радуге» вышел поэтический сборник «Квадрат». Аллюзия связана не с только что упомянутым Малевичем, но скорее с Пифагором. Пифагор тоже превыше всего ценил квадрат и тетраду - четверку. В сборнике как раз четыре автора, обозначивших как бы четыре угла общего поэтического поля. Четыре приятеля: Валерий Глебов, Леонид Чекалкин, уже упомянутый Илья Клейнер и ваш покорный слуга.

Стихи я писал с юности. В советские времена даже не делал серьезных попыток их публиковать, уж очень они у меня получались не «подцензурными». Первую небольшую подборку опубликовал сразу по падении режима, в 91-м году. Между прочим, с предисловием Евгения Евтушенко. Что касается только что вышедшего «Квадрата», мне бы хотелось, чтобы эта книжка нашла своего читателя. Хотя тираж невелик, одна тысяча всего.

- Почему все три книги опубликованы в издательстве «Радуга»? Вы как-то выделяете его на фоне множества современных издательств?

- Выделяю. Прежде всего за верность высокой культуре. За упорство. Основывая коммерческую состоятельность на любовном романе, все свободные деньги издательство тратит на очень приличные, с моей точки зрения, книги.

- Знаете ли вы что-нибудь о ближайших планах издательства?

- Один очень интересный пункт знаю точно. Российское философское общество при поддержке РАО «Роснефтегазстрой» подготовило уникальное издание. Впервые в мире выйдет международный энциклопедический словарь «Глобалистика». Инициаторы издания - президент «Роснефтегазстрой» профессор И. И. Мазур и первый вице-президент РФО профессор А. Н. Чумаков. В объеме 140 авторских листов охвачены все острые проблемы современности - от озонового слоя, перегрева атмосферы и опустынивания до терроризма и движения антиглобалистов. Том выйдет в двух вариантах - на русском и на английском языках. Здесь «билингвистический» опыт «Радуги» очень пригодится. Эту книгу уже ждут.

Беседу вел
Николай МОДЕСТОВ

242